

DOI: 10.47026/1810-1909-2023-3-170-181

УДК 630*935.4(470.41)"19/20"

ББК П348(2Рос.Тат)53

А.А. ФИЛОНОВ

**«ПОЛОЖЕНИЕ О СБЕРЕЖЕНИИ ЛЕСОВ» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Ключевые слова: «Положение о сбережении лесов», Казанская губерния, природоохранительные и водоохранные леса, губернский лесоохранительный комитет, лесовладельцы, лесная дача, план хозяйства.

В конце XIX – начале XX в. развитие лесного хозяйства России, в том числе Казанской губернии, в известной мере определялось государственной политикой в этой сфере и действовавшим лесным законодательством.

Целью исследования являются характеристика содержательной части «Положения о сбережении лесов» 1888 г. и анализ его реализации на территории Казанской губернии.

Материалы и методы. Проведенная работа преимущественно базируется на анализе неизвестных ранее архивных документов, извлеченных из фонда Казанского губернского лесоохранительного комитета Государственного архива Республики Татарстан и фонда Лесного департамента Российского государственного исторического архива. Также были использованы материалы опубликованных источников и научной литературы по лесохозяйственной проблематике. Исследование проведено на основе принципов историзма, объективности и системности.

Результаты исследования. «Положение» уделяло главное внимание правильному ведению хозяйства в защитных и водоохранных лесах. Они подлежали обязательному сбережению от истощения и истребления. В начале XX в. в Казанской губернии насчитывалось более 200 таких защитных лесных дач. Непосредственный контроль за сохранением лесных ресурсов в губернии вел Казанский лесоохранительный комитет, которому оказывали помощь чины казенного лесного управления, лесная стража, полиция и другие учреждения. Количество дач, подчиненных действию лесоохранительного закона, в Казанской губернии с течением времени существенно увеличилось. Это сопровождалось установлением контроля со стороны государства, прежде всего над лесами частных лиц и крестьянских сельских обществ, четкой регламентацией здесь объемов и порядка лесопользования, лесовозобновления и других основополагающих аспектов лесного дела. Постепенно действие «Положения» распространилось практически на всю лесную площадь губернии вне зависимости от категории лесовладельцев.

Выводы. В целом реализация «Положения о сбережении лесов» оказала, безусловно, положительное влияние на состояние и развитие лесоохранного законодательства и лесной отрасли России, в том числе Казанской губернии рассматриваемого периода.

Во второй половине XIX – начале XX в. состояние и развитие лесохозяйственной отрасли России и ее составных административно-территориальных единиц, в том числе Казанской губернии, в значительной степени определялись не только спецификой природно-географических условий, но и лесного законодательства. Примечательно, что до отмены крепостного права в России оно регламентировало только организацию управления лесами казенного ведомства. Частновладельческие лесные массивы еще с 1782 г. были выведены из-под контроля со стороны государства. Со времени проведения крестьянской реформы 1861 г. в России в этом плане начали проследиваться некоторые изменения. Как известно, необходимость защиты и сохранения лесов частных лиц признавалась еще редакционными комиссиями [2. С. 122]. Значительную роль в сложившейся ситуации сыграл и подъем общественного движения. Его участники крайне отрицательно оценивали нередко практиковавшееся нерациональное лесопользование и истребление лесов, которые имели большое водоохранное, природоохранное, санитарно-гигиеническое, эстетическое и другие значения.

Во многом под влиянием общественного мнения российское правительство 4 апреля 1888 г. приняло «Положение о сбережении лесов», в котором были ограничены некоторые права лесовладельцев. Исследователями проведен анализ содержательной части этого лесоохранительного закона и его реализации как в общероссийском масштабе, так и по отдельным территориям (Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Саратовская и другие губернии) [1; 5. С. 135–147; 6. С. 178–182; 8; 20; 21; 22; 24; 26. С. 131–135; 27. С. 147–148]. Однако применительно к Казанской губернии заявленная проблематика освещена не в полной мере и нуждается в более подробном изучении.

Целью исследования является характеристика содержания «Положения о сбережении лесов» 1888 г. и анализ его реализации на территории Казанской губернии в конце XIX – начале XX в.

Материалы и методы. Проведенная работа преимущественно базируется на привлечении и анализе неизвестных ранее архивных документов, извлеченных из фонда Казанского губернского лесоохранительного комитета (Ф. 295) Государственного архива Республики Татарстан и фонда Лесного департамента (Ф. 387) Российского государственного исторического архива. Интерес также представляют обзоры Казанской губернии [9. С. 17; 10. С. 16–18; 11. С. 17; 12. С. 16–18; 13. С. 23; 14. С. 24–27; 15. С. 25–28; 16. С. 18; 17. С. 27], законодательные акты и другие письменные источники [7. С. 219; 18. С. 148–156; 19. С. 148–149; 25. С. 165].

Результаты исследования. Согласно «Положению о сбережении лесов» все лесные массивы европейской части России подразделялись на две группы: защитные и незащитные. Первая из этих групп подлежала обязательному сохранению. К их числу относились леса и кустарники, которые препятствовали распространению сыпучих песков; защищали населенные пункты, пути сообщения и возделываемые земельные участки от песчаных заносов; охраняли берега судоходных каналов и рек от обрывов и размывов; произрастали на горах и склонах, препятствуя размыву почвы. В таких защитных лесах запрещались сплошные рубки, выпас скота и другие лесопользования, которые могли привести к истреблению произраставших здесь лесов или ухудшению их состояния. После того как лесная дача в целом или ее отдельная часть признавалась защитной, превращение этой территории в другой вид угодий было запрещено. Однако заготовка валежного и сухостойного леса могла вестись здесь на законных основаниях. Все необходимые лесохозяйственные работы в защитных лесах проводились за счет казенного ведомства. Признанные защитными леса освобождались от государственных и земских поземельных сборов [18. С. 150–151].

В лесах, которые официально не были признаны защитными, перевод лесной почвы в другой вид угодий позволялся только в ряде случаев: когда это было необходимо для более выгодного устройства имения; для обращения почвы во временное сельскохозяйственное пользование, но с обязательством искусственного лесовозобновления вырубок и в ряде других случаев. Для этого лесовладелец должен был обратиться в лесоохранительный комитет с объяснением причин необходимости обращения лесной почвы в другой вид угодий. Без соответствующего разрешения со стороны лесоохранительного комитета производить расчистку лесной площади было запрещено. При этом лесовладельцы могли включать проекты расчистки леса в планы хозяйства на свои лесные дачи. Только для расчистки лесных участков, которые не были зафиксированы в этих

планах, лесовладельцу следовало обращаться за разрешением в лесоохранный комитет. В лесах, не признанных защитными, также запрещались опустошительные рубки, выпас скота на вырубках и участках, где произрастал молодой лес, не достигший 15-летнего возраста [18. С. 151; 24. С. 60–61]. Опустошительными считались такие сплошные рубки, которые могли привести к расстройству лесонасаждений, истощению запаса древесной массы, а естественное лесовозобновление становилось невозможным, и вырубленные лесные площади превращались в пустыри. При этом лесовладельцы должны были провести искусственное лесовозобновление незаконно вырубленных или расчищенных площадей, если это было невозможно сделать естественным путем. Помощь в развитии лесного дела в частном лесном хозяйстве по приглашению лесовладельцев оказывали лесные ревизоры [3. Д. 522. Л. 4–4об.; 18. С. 152; 23. Д. 4944. Л. 157–157об., 185об.].

С введением в действие «Положения о сбережении лесов» их защита и сохранение в масштабах каждой губернии являлись задачей лесоохранных комитетов, которые, в свою очередь, опирались на помощь со стороны специалистов казенного лесного управления, полиции и уездных по крестьянским делам учреждений [18. С. 153]. Казанский губернский лесоохранный комитет, начавший свою работу в августе 1888 г., проводил большой объем работы по следующим направлениям: признание лесов защитными и утверждение планов хозяйства на них; выдача разрешений на перевод лесных участков в другой вид угодий; утверждение хозяйственных планов на леса, которые не являлись защитными; привлечение к ответственности нарушителей «Положения»; признание лесов подлежащими сбережению для сохранения верховьев и источников рек или их притоков [3. Д. 1. Л. 1, 6; 18. С. 153–156; 20. С. 130].

В Казанской губернии было немало лесных дач, которые получили статус защитных и водоохраных с утвержденными на них планами хозяйства. В 1893 г. таких дач в губернии насчитывалось 34 штуки общей площадью 6307,50 дес., в 1896 г. – 135 дач (13 920,25 дес.), в 1898 г. – 150 (15 983,00 дес.), в 1904 г. – 191 (16 998,95 дес.), в 1910 г. – 215 (21 315,07 дес.) [3. Д. 345. Л. 3, Д. 524. Л. 3–3об., Д. 591. Л. 13об.–14; 14. С. 26–27; 17. С. 27]. Конкретно, в начале 90-х гг. XIX в. к числу защитных были отнесены две лесные дачи, находившиеся в ведении козьмодемьянского городского общества, под названиями «Коровий остров» и «Нагорная». Здесь произрастал в основном лиственный лес и кустарники, которые защищали берег Волги от обрывов и размывов водой. В это же время обе дачи стали объектом лесоустройства. В них был четко определен размер лесопользования и его виды [3. Д. 3. Л. 5об.–6, Д. 175. Л. 1–1об., Д. 216. Л. 5–6об., Д. 351. Л. 205, 208об.; 4. С. 349–350; 28. С. 38, 102–103; 29. С. 102–103].

14 декабря 1893 г. Казанский губернский лесоохранный комитет принял решение признать защитной лесную площадь в 15,00 десятин, принадлежавшую землевладелице А.Н. Данауровой. Этот участок был расположен в районе Мариинского лесничества Чебоксарского уезда, по склону оврага на берегу Волги. Нагорный берег реки, где произрастал лес, подвергался размыву весенними и дождевыми потоками. Смытая земля сносилась в русло Волги и оставляла там отложения. Лес, расположенный вдоль берега Волги, и по водосточным оврагам, благодаря своей разветвленной корневой системе, скреплял почву, препятствовал ее обвалу, размыву, расширению оврагов и защищал русло от засорения [3. Д. 351. Л. 191–194об.; 4. С. 350]. По этим же причинам лесоохранный комитет 14 декабря 1893 г. также постановил признать защитной лесную дачу землевладельца Ф.Я. Ростовского площадью 200,00 дес.

Она была расположена в его имении при д. Беловоложская слобода Богородской волости Чебоксарского уезда. В этот же день защитной была признана лесная дача пространством 50,00 дес., принадлежавшая наследникам Г.Е. Волчкова. Дача находилась на крутом берегу реки Аниш в двух верстах от д. Ново-Родионовский починок Богородской волости. Также в середине декабря 1893 г. была признана защитной лесная дача площадью 72,00 дес., состоявшая во владении купца С.Т. Забродина при д. Комаровка Богородской волости Чебоксарского уезда [З. Д. 351. Л. 209–218].

В середине февраля 1895 г. Казанский лесоохранительный комитет признал защитной лесную дачу купца Е.Ф. Кушева площадью 47,50 дес., располагавшуюся на правом нагорном берегу Волги в Чебоксарской волости. Сохранение произраставшего здесь лиственного лесонасаждения было необходимо для защиты берега от размыва водой и русла Волги от заносов глиной, образования каменистых отложений. План хозяйства на эту лесную дачу был утвержден комитетом 30 декабря 1895 г. [З. Д. 434. Л. 3об.–4, 9об.; 4. С. 350].

Постановлением Казанского лесоохранительного комитета от 25 ноября 1895 г. была признана защитной лесная дача купцов Блиновых площадью 260,25 дес. Она располагалась на левом берегу Волги вблизи города Тетюши в Спасском уезде. Дача делилась на два участка: в первом произрастали вяз, дуб и тальник; во втором – осокорь с незначительной примесью дуба и вяза. Возраст леса в основном составлял 30–40 лет. Ценность его заключалась в защите лугов, расположенных по Волге, от песчаных заносов, размывов и обвалов берега реки [З. Д. 228. Л. 12, 16].

В 1896 г. в Чебоксарском уезде были признаны защитными лесные дачи, находившиеся во владении: Цивильского Тихвинского женского монастыря площадью около 30,00 дес.; общества крестьян д. Новинской (20,00 дес.); крестьян села Карамышево (80,00 дес.); дворянина В.К. Добронравова (40,00 дес.); крестьян села Тогаево пространством около 60,00 десятин [З. Д. 522. Л. 18–19].

В 1898 г. Казанский лесоохранительный комитет признал защитными 15 дач общей площадью около 500,00 дес. В Чебоксарском уезде в категорию защитных вошли лесные дачи, расположенные на острове Волги под названием «Козин», принадлежавшие: обществу крестьян деревень Якимово, Гремячево, Соляная и Набережная площадью 30,00 дес.; землевладельцу Троицкому (1,00 дес.); наследникам купца Ефремова (20,00 дес.); землевладельцу Кожевникову (20,00 дес.); Сиделькинскому обществу крестьян (60,00 дес.); крестьянам Яндашево-Никольского, Банново-Яндашевского, Ельниковского, Юраковского, Липовского, Пустынь-Касинского, Вурман-Касинского сельских обществ Алымкасинской волости (140,00 дес.); землевладельцу Лебедеву (15,00 дес.); землевладельцам А.М. Андржейковичу, М.М. Поздняковой, Ф.М. Петуховой, Ю.М. Ахмалитьевой (40,00 дес.). В Козьмодемьянском уезде в этом же году защитными были признаны лесные дачи, расположенные на острове Волги под названием «Маслов», находившиеся во владении Адабай-Касинского, Анат-Касинского и Акрамовского крестьянских обществ площадью примерно 15,00 дес., а также Янышевского общества крестьян (10,00 дес.); на острове «Маслов Новый» – Чуратчинского и Синьял-Чуратчинского сельских обществ площадью 10,00 дес.; на острове «Уд-Ота» – Ямбахтинского, Бахтигильдинского и Покровского крестьянских обществ площадью 100,00 дес.; на острове «Синь-Ота» – Кибечь-Касинского и Мало-Ишлеевского обществ крестьян пространством около 6,00 дес. [З. Д. 591. Л. 1–2об.].

В 1900 г. в Казанской губернии было признано защитными 9 лесных площадей. В Тетюшском уезде в этот перечень попали леса крестьянских обществ сел

Богородского, Кирельского и деревень Ишимово, Болтачево, Завражный Каратай, а также починков Малаево, Уразли, Данишево и Баргузино. В Чебоксарском уезде защитными были признаны лесная дача Казанского Богородицкого женского монастыря площадью 35,00 дес.; лесной участок землевладельца К.П. Соловьева, расположенный по правому берегу Волги в непосредственной близости от деревень Пушино и Водолеевка Посадско-Сотниковской волости площадью 35,00 дес.; лесная дача общего владения крестьян д. Якимово, Кнутиха, Гремячево и чебоксарского купца Хлебникова площадью 8,72 дес. В Спасском уезде в 1900 г. к числу защитных была отнесена лесная дача Садиковского товарищества крестьян площадью 57,00 дес. [4. С. 351; 10. С. 16–17].

Деятельность по признанию лесов защитными продолжалась и в последующие годы. Например, в 1904 г. к этой категории были отнесены три лесные дачи: при с. Нырты Мамадышского уезда, находившаяся во владении А. Макарова площадью 11,50 дес.; при д. Шмелевка Спасского уезда, состоявшая в ведении крестьян Я. и А. Кипенских пространством 2,00 дес.; при д. Кирби Лаишевского уезда площадью 241,49 дес. В этом же году в число водоохранных по решению лесоохранительного комитета вошли 12 лесных дач, в том числе дача Русско-Ахметевского общества крестьян Спасского уезда площадью 74,00 дес.; Верхне-Качеевского крестьянского общества того же уезда пространством 112,00 дес.; при д. Березовка Лаишевского уезда землевладелицы Лекгер площадью 255,90 дес. и др. [14. С. 24–25].

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что в Казанской губернии находилось значительное количество лесных дач, которые имели природозащитное и водоохранное значение. Если в 1893 г. их насчитывалось в губернии всего 34, то в 1910 г. – уже 215, а их площадь за аналогичный период увеличилась с 6307,50 до 21 315,07 дес., т.е. почти в 3,4 раза. Однако реализация лесоохранительного закона 1888 г. нередко встречала недовольство со стороны частных лесовладельцев в связи с тем, что «Положение» предусматривало рациональное ведение хозяйства в их лесах, проведение в них лесоустроительных работ и четкое определение объемов лесопользования, особенно, если дело касалось защитных и водоохранных лесов.

В конце XIX – начале XX в. лесоохранительные комитеты занимались также утверждением планов хозяйства на леса, не признанные защитными, но на которые распространялось действие «Положения о сбережении лесов». В плане, как правило, указывались имя и фамилия лесовладельца; губерния, уезд и волость, где находился лес; ближайшая деревня или село с обозначением приблизительного расстояния от леса; название лесной дачи, ее площадь и краткое описание с обозначением порядка и количества рубок [2. С. 361–365].

В течение 1894 г. Казанский лесоохранительный комитет утвердил два плана хозяйства на дачи, не признанные защитными, в 1900 г. – 22 плана, в 1901 г. – 57 планов, в 1902 г. – 35, в 1903 – 35, в 1906 г. – 45 [3. Д. 428. Л. 15об.; 10. С. 16–17; 11. С. 17; 12. С. 17; 13. С. 23; 15. С. 26]. По данным 1896 г., в Казанской губернии насчитывалось всего 27 частновладельческих дач, не признанных защитными, но эксплуатируемых сплошной или выборочной рубкой по утвержденным лесоохранительным комитетом планам хозяйства, площадью 6599,90 дес. К 1908 г. таких дач стало уже 276 шт., что практически в 10 раз больше, чем в конце XIX в., а пространство этих лесных участков увеличилось более чем в 7,7 раза, достигнув цифры 51 020,50 дес. [3. Д. 524. Л. 2–3об.; 16. С. 21]. Таким образом, прослеживалась в целом положительная динамика,

отражавшая рост количества и площади лесных дач частных лиц, использование которых велось по четко установленному комитетом лесохозяйственному плану.

Один из таких планов был утвержден 1 сентября 1895 г. на лесную дачу, принадлежавшую землевладелице В.А. Соловьевой, при с. Богородское Пролей-Кашинской волости Тетюшского уезда. Дача площадью 41,69 дес. состояла из лиственных насаждений. Разрешенная площадь ежегодной сплошной рубки составляла 1,39 дес. Планировалось также выборочной рубкой заготавливать орешник и некоторые деревья, необходимые для хозяйственных дел при имении. Возобновление вырубок обеспечивалось порослью от пней и отпрысками от корней. Средняя стоимость десятины леса в даче В.А. Соловьевой составляла около 500 руб. В 1895–1917 гг. здесь планировалось вырубить 30,58 дес. Но в действительности оказалось заготовлено только 15,25 дес. В октябре 1916 г. заведующий Тетюшским лесничеством Токарев провел осмотр дачи. Оказалось, что в участке А произрастали дуб, липа и вяз в возрасте 90–100 лет. Здесь была суглинистая почва с большим слоем перегноя. Площадь этого участка составляла около 14,00 дес. Участок Б (9,00 дес.) представлял собой молодняк из дуба, липы, клена и осины. Почвенные условия здесь не отличались от участка А. Участок В (6,27 дес.) состоял из необлесившихся вырубок прежнего 10-летия. В участке Г площадью 12,42 дес. произрастали дуб и липа в возрасте 30–50 лет. Почва здесь была суглинистая с большим слоем перегноя. Территория исследованных участков составляла около 46,00 дес. при общей площади имения В.А. Соловьевой в 227,00 дес. Лесные участки охранялись лесником, проживавшим в караулке на расстоянии 1/4 версты от участка [З. Д. 455. Л. 4–4об., 15, 33–35].

Далее обратимся к сведениям, извлеченным из фонда Казанского лесоохранительного комитета. Эти материалы позволяют проследить динамику роста лесных дач, которые подлежали надзору со стороны лесоохранительного управления. Так, в 1892 г. под таким надзором в Казанской губернии находилась 771 лесная дача, в том числе в Царевококшайском уезде – 113 (14,6%) дач, в Чистопольском – 102 (13,2%), в Спасском – 87 (11,3%), в Козьмодемьянском – 84 (10,9%), в Ядринском – 64 (8,3%), в Казанском (Казанское и Арское лесничества) – 63 (8,2%), в Чебоксарском – 63 (8,2%), в Тетюшском – 62 (8,0%), в Цивильском – 56 (7,3%), в Свияжском – 43 (5,6%), в Лаишевском – 24 (3,1%) и в Мамадышском – 10 (1,3%) [З. Д. 243. Л. 1–173].

В 1899 г. «Положение о сбережении лесов» было распространено на всю Казанскую губернию. Следовательно, число дач, подчиненных действию лесоохранительного закона, значительно возросло. По данным 1899 г., под надзором лесоохранительного управления в губернии состояло уже 2100 лесных дач общей площадью 411 502,66 дес. Из этого количества в Спасском уезде находилось 353 (16,8%) дачи пространством 54860,10 дес., в Лаишевском уезде – 306 (14,6%) на территории 64702,35 дес., в Чистопольском – 261 (12,4%) площадью 94 395,96 дес., в Казанском – 243 (11,6%) на 48 441,33 дес., в Свияжском – 206 (9,8%) пространством 19 953,80 дес., в Царевококшайском – 187 (8,9%) на территории 29 790,64 дес., в Мамадышском – 122 (5,8%) на 29 885,25 дес., в Козьмодемьянском – 116 (5,5%) площадью 15 658,95 дес., в Тетюшском – 102 (4,9%) на 11 744,00 дес., в Чебоксарском – 90 (4,3%) пространством 16 419,65 дес., в Цивильском – 69 (3,3%) на 10 954,13 дес. и в Ядринском – 45 (2,1%) дач площадью 14 696,50 дес. По категориям владения эти лесные дачи распределялись следующим образом: 1288 дач (61,3%) площадью 257 349,58 дес. принадлежали частным лицам, 724 (34,5%) – крестьянские лесные наделы (110 684,00 дес.),

56 дач (2,7%) – церковные, монастырские и городские леса (13 972,63 дес.), 23 дачи (1,1%) – удельного ведомства (24 403,10 дес.) и 9 (0,4%) – дачи казенного лесного ведомства площадью 5093,35 дес. [9. С. 17]. Как видно, надзор лесоохранительного управления распространялся преимущественно на крестьянские и частновладельческие леса, удельный вес которых в конце XIX в. составлял более 95% от общего числа дач, подлежащих такому надзору.

В 1904 г. действию правил «Положения о сбережении лесов» в Казанской губернии было подчинено 2472 лесные дачи площадью 1 732 396,08 дес., в том числе 1286 (52,0%) частновладельческих дач площадью 251 762,77 дес.; 841 дачи (34,0%), находившиеся в ведении крестьянских сельских обществ (124 717,38 дес.); 261 (10,6%) – казенные лесные дачи (1 317 354,50 дес.), 62 (2,5%) – леса церковей, монастырей, городских обществ (14 301,96 дес.) и 22 лесные дачи (0,9%) удельного ведомства площадью 24 259,47 дес. [3. Д. 1009. Л. 49, 58, 60; 14. С. 26–27]. По сравнению с концом XIX в. обращает на себя внимание существенное увеличение количества (с 9 до 261) и площади (с 5093,35 до 1 317 354,50 дес.) казенных лесных дач, на которые распространялось действие лесоохранительного закона.

Таким образом, в течение 1892–1904 гг. число дач, подчиненных надзору лесоохранительного управления, в Казанской губернии увеличилось с 771 до 2472 шт., или в 3,2 раза, а площадь их возросла с менее чем 100 000,00 дес. до 1 732 396,08 дес., т.е. более чем в 17 раз. Со временем действие «Положения» распространилось практически на всю лесную площадь губернии вне зависимости от категории лесовладельцев.

Общий надзор за исполнением «Положения о сбережении лесов» возлагался на Министерство государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ; с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия) по Лесному департаменту [19. С. 148]. В 1900 г. местный надзор за лесами, на которые распространялось действие «Положения», в Казанской губернии осуществляли 40 лесничих, 54 их помощника, 62 земских начальника (надзор за наделами крестьянских обществ), 14 станových приставов и 5 управляющих удельными имениями. Наблюдение за лесничими по исполнению местного лесного надзора возлагалось на 12 лесных ревизоров; за земскими начальниками – на местное губернское присутствие; за станowymi приставами – на губернское правление; за чинами удельного ведомства – на двух управляющих удельными округами [10. С. 17; 28. С. 38–39]. К 1910 г. контроль за реализацией «Положения» на местах осуществляли уже 49 лесничих, 70 их помощников, 18 станových приставов. Число управляющих удельными имениями осталось прежним, а количество земских начальников сократилось до 61 человека [17. С. 27].

Вышеупомянутые должностные лица, осуществлявшие местный надзор, в случае нарушения «Положения» в присутствии понятых составляли протокол, который затем передавался мировым судьям или судебным следователям для возбуждения дела [2. С. 357]. Самым распространенным видом нарушения являлось самовольное обращение лесной почвы в другой вид угодий. Так, 28 августа 1892 г. лесничий 2-го Мамадышского лесничества, титулярный советник А. Ничко обнаружил расчистку и обращение в другой вид угодий 10,46 дес. крестьянского лесного надела в даче села Абди с окрестными деревнями. Вся эта площадь была распахана и засеяна озимым хлебом. Виновными оказались крестьяне села Средний Арняш Ф. Матвеев, М. Ильин, С. Дмитриев, К. Семенов, Л. Егоров и др. Всего в числе обвиняемых значилось

22 человека, с которых причиталось к взысканию 1240 руб. За каждую самовольно расчищенную и распаханную квадратную сажень полагался штраф в 5 коп. Подозреваемые признали себя виновными, но объяснили, что сделали это потому, что произраставший на указанной площади лес сгорел. Сумма штрафа зависела от нанесенного каждым крестьянином ущерба, расчищенной площади и варьировалась от 5 до 180 руб. При этом, если должники были не в состоянии выплатить положенный штраф, то он заменялся арестом на срок от 1 до 7 суток [3. Д. 290. Л. 4об.–5об., 17–17об., 19].

Осенью 1892 г. крестьяне с. Елантово Чистопольского уезда самовольно произвели сплошную рубку на площади 19,00 дес. в общественной лесной даче. Стоимость вырубленного леса составляла 410 руб. 40 коп. По плану хозяйства, утвержденному постановлением лесоохранительного комитета 25 октября 1891 г., сплошные рубки в этой даче ранее 1900 г. не допускались, а до этого срока разрешалась только выборочная рубка ежегодно на 27,00 дес. Взыскание с нарушителей было определено в сумме двойной стоимости вырубленного леса, т.е. 820 руб. 80 коп., так как лес не был секвестрован. Порубка объяснялась бедностью крестьян, пострадавших от неурожая и пожаров 1891–1892 г. [3. Д. 351. Л. 100–102].

В течение 1892 г. в Казанской губернии по нарушениям «Положения» было возбуждено 8 судебных дел с выплатой штрафа на сумму 4994 руб. 35 коп., в 1893 г. – 27 дел на 21 168 руб. 52 коп., в 1894 г. – 10 дел на 3144 руб. 88 коп., в 1898 г. – 9 дел на 2647 руб. 70 коп., в 1900 г. – 18 дел на 82 557 руб., в 1908 г. – 2 дела на 10 867 руб. 96 коп., в 1910 г. – 15 дел на 4448 руб. [3. Д. 345. Л. 3об., Д. 351. Л. 8, Д. 428. Л. 15, Д. 591. Л. 14; 10. С. 17; 16. С. 18; 17. С. 27].

В целом исполнение лесничими и лесными ревизорами, а также некоторыми другими должностными лицами возложенных на них обязанностей по надзору за исполнением правил «Положения о сбережении лесов» было удовлетворительным. Однако лесничество недостаточно регулярно осматривали частные леса, подлежащие их надзору, а лесные ревизоры, в свою очередь, не всегда успевали контролировать должным образом деятельность лесничих [4. С. 354]. Тем не менее принятие «Положения» оказало несомненное положительное влияние на состояние и развитие лесоохранного законодательства и лесной отрасли России.

Выводы. Таким образом, главной целью лесоохранительного закона 1888 г. являлось сбережение лесов европейской части России от истощения и истребления. В течение 1892–1904 гг. число дач, подчиненных действию «Положения», в Казанской губернии увеличилось с 771 до 2472 шт., или в 3,2 раза, а площадь их возросла с менее чем 100 000,00 дес. до 1 732 396,08 дес., т.е. более чем в 17 раз. Со временем действие лесоохранительного закона распространилось практически на всю лесную площадь губернии вне зависимости от категории лесовладельцев. Пристальное внимание уделялось сохранению лесных участков, признанных природозащитными и водоохранными. Если в 1893 г. в Казанской губернии насчитывалось всего 34 дачи, то в 1910 г. это число увеличилось более чем в 6 раз, составив уже 215, а их площадь за аналогичный период возросла практически в 3,4 раза. Большой объем работы в этом направлении проводил Казанский губернский лесоохранительный комитет при содействии со стороны лесных ревизоров, лесничих, лесников, объездчиков и других специалистов в области лесного дела. При всех имевшихся упущениях, недоработках, которые постепенно исправлялись, и нарушениях «Положения» оно заложило основы системы лесоохранения, способствовало

установлению контроля со стороны государства, прежде всего над лесами частных лиц и крестьянских сельских обществ, в том числе в Казанской губернии, четкой регламентации здесь объемов и порядка использования лесных ресурсов, способов лесовозобновления и решению других основополагающих лесохозяйственных вопросов.

Литература

1. *Алексеев А.И.* Государственное управление лесным хозяйством Курской губернии в середине XIX – начале XX вв. // Краеведческие записки: сб. ст. Курск: Инвестсфера, 2016. С. 18–20.
2. *Арнольд Ф.К.* Русский лес: в 3 т. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1893. Т. 1. 417 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 295. Оп. 1.
4. *Иванов А.Г., Филонов А.А.* «Положение о сбережении лесов» и его реализация в Марийском крае в конце XIX – начале XX века // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 4. С. 347–357.
5. *Истомина Э.Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
6. *Истомина Э.Г.* Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 17(139). С. 169–184.
7. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893–1902 гг. СПб.: Тип.-лит. Ю.Я. Римана, 1903. 310 с.
8. *Нурова О.А., Лепешкина Л.Ю.* Защита лесов в Саратовской губернии (1888–1918 гг.) // Природа. Человек. Культура: сб. материалов Первого Междунар. науч.-просветительского форума (г. Кисловодск, 3–5 октября 2018 г.) / под общ. ред. С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. Кисловодск; Хабаровск; М.: Научный консультант, 2018. С. 37–40.
9. Обзор Казанской губернии за 1899 год. Казань: Тип. губернского правления, 1900. 92 с.
10. Обзор Казанской губернии за 1900 год. Казань: Тип. губернского правления, 1901. 87 с.
11. Обзор Казанской губернии за 1901 год. Казань: Тип. губернского правления, 1902. 101 с.
12. Обзор Казанской губернии за 1902 год. Казань: Тип. губернского правления, 1903. 103 с.
13. Обзор Казанской губернии за 1903 год. Казань: Тип. губернского правления, 1904. 109 с.
14. Обзор Казанской губернии за 1904 год. Казань: Тип. губернского правления, 1905. 110 с.
15. Обзор Казанской губернии за 1906 год. Казань: Тип. губернского правления, 1907. 100 с.
16. Обзор Казанской губернии за 1908 год. Казань: Тип. губернского правления, 1910. 94 с.
17. Обзор Казанской губернии за 1910 год. Казань: Тип. губернского правления, 1912. 98 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (1881–1913). СПб.: Гос. тип., 1890. Т. 8 (1888). 641 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (1881–1913). СПб.: Гос. тип., 1898. Т. 14 (1894). 713 с.
20. *Польской А.А.* Борьба «лесной» администрации с нарушениями «Положения о сбережении лесов» в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сб. науч. ст. VIII Междунар. молодежной науч. Конф.: в 6 т. / отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. Т. 2. С. 129–132.
21. *Польской А.А.* Самовольная порубка леса как преступление против лесоохранного законодательства конца XIX – начала XX вв. (на примере губерний центра России) // Молодежь и XXI век: материалы X Междунар. молодежной науч. Конф. / отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 102–105.
22. *Пуряева А.Ю.* Лесоохранительный комитет как орган управления защитными лесами в дореволюционном лесном законодательстве России в конце XIX – начале XX века (на примере Казанской губернии) // Право и политика. 2011. № 5. С. 873–877.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 387. Оп. 24.
24. *Рыбалкин А.И.* Лесное законодательство Российской империи конца XIX века по совершенствованию системы охраны лесов и его социальная значимость // Социальная значимость правовых знаний в жизни российского общества: материалы Междунар. науч.-практ. Конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной Дню юриста / под общ. ред. Н.И. Бухтоярова, В.Н. Плаксина, С.Н. Махиной, Т.М. Куценко. Воронеж: Воронежский гос. аграрный ун-т им. Императора Петра I, 2016. С. 53–63.
25. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб.: Тип.-лит. Ю.Я. Римана, 1898. 251 с.
26. *Тяпкин М.О.* Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул: Барнаульский юрид. Ин-т МВД России, 2019. 496 с.
27. *Тяпкин М.О., Тяпкина О.А.* Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4(92). С. 144–149.

28. Филонов А.А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 296 с.

29. Филонов А.А., Филонова А.Б. Состояние и развитие козьмодемьянских городских лесных дач во второй половине XIX – начале XX века // Вестник научных конференций. 2019. № 12-2(52). С. 101–105.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Aleksander A. FILONOV

**«REGULATION ON FOREST PRESERVATION» AND ITS IMPLEMENTATION
IN KAZAN GOVERNORATE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY**

Key words: "Regulation on Forest Preservation", Kazan governorate, nature protection and water protection forests, governorate forest protection committee, forest owners, forest estate, farm plan.

At the end of the XIX – the beginning of the XX century the development of forestry in Russia, including Kazan governorate, was to a certain extent determined by the state policy in this area and forest legislation then in force.

The purpose of the study is to characterize the content of the "Regulations on Forest Preservation" dated 1888 and to analyze its implementation in the territory of Kazan governorate.

Materials and methods. The work carried out is mainly based on the analysis of previously unknown archival documents extracted from the fund of Kazan Governorate Forest Protection Committee of the State Archive of the Republic of Tatarstan and the fund of the Forest Department of the Russian State Historical Archive. Materials from published sources and scientific literature on forestry issues were also used. The research is based on the principles of historicism, objectivity and consistency.

Study results. The "Regulation" paid the main attention to proper management of the economy in protective and water-conserving forests. They were subject to mandatory saving from exhaustion and extermination. At the beginning of the XX century there were more than 200 such protective forest estates in Kazan governorate. Direct control over the forest resources conservation in the governorate was conducted by Kazan Forest Protection Committee, which was assisted by the ranks of the state forest administration, forest guards, police and other institutions. The number of forest estates subject to the forest protection law in Kazan province increased significantly over time. This was accompanied by the establishment of state control, primarily over the forests of private individuals and peasant rural societies, clear regulation of the volume and order of forest use, reforestation and other fundamental aspects of forestry. Gradually, the effect of the "Regulation" spread to almost the entire forest area of the governorate, regardless of the category of forest owners.

Conclusions. In general, implementation of the "Regulation on Forest Preservation" had, undoubtedly, a positive impact on the condition and development of forest protection legislation and Russia's forest industry, including Kazan governorate of the period under review.

References

1. Alekseev A.I. Gosudarstvennoe upravlenie lesnym khozyaistvom Kurskoi gubernii v seredine XIX – nachale XX veka [State forest management of the Kursk province in the middle of the XIX – the beginning of the XX century]. Kraevedcheskie zapiski: sbornik statei [Local history notes: collection of articles]. Kursk, Investsfera Publ., 2016, pp. 18–20.
2. Arnol'd F.K. Russkii les: v 3 tomakh [Russian forest. 3 vols]. St. Petersburg, Izdanie A.F. Marksa, 1893, vol. 1, 417 p.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 295. Opis' 1 [State Archive of the Republic of Tatarstan. Archive 295. Anagraph 1].
4. Ivanov A.G., Filonov A.A. «Polozhenie o sberezhonii lesov» i ego realizatsiya v Mariiskom krae v kontse XIX – nachale XX veka [«Regulation on forest conservation» and its realization in the Mari region at the end of XIX – the beginning of the XX century]. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki, 2020, vol. 6, no 4, pp. 347–357.
5. Istomina E.G. Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII – nachalo XX veka) [Forests of Russia: ecological and socioeconomic history (XVIII – early XX century)]. Moscow, Kvadriga Publ., 2019, 358 p.

6. Istomina E.G. *Lesnoe khozyaistvo gubernii Evropeiskoi Rossii v XIX – nachale XX veka: mekhanizmy upravleniya i okhrany* [Forestry of the provinces of European Russia in the XIX – early XX centuries: management and security arrangements]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2014, no. 17(139), pp. 169–184.

7. *Kratkii obzor deyatelnosti kazennogo lesnogo upravleniya za 1893–1902 gg.* [A brief overview of the activities of the state forest administration in 1893–1902]. St. Petersburg, Tipo-litografiya Yu.Ya. Rimana, 1903, 310 p.

8. Nurova O.A., Lepeshkina L.Yu. *Zashchita lesov v Saratovskoi gubernii (1888–1918 gg.)* [Protection of forests in the Saratov province (1888–1918)]. In: Turkulets S.E., Listopadova E.V., eds. *Priroda. Chelovek. Kul'tura: sb. materialov Pervogo Mezhdunar. nauch.-prosvetitel'skogo foruma (g. Kislovodsk, 3–5 oktyabrya 2018 g.)* [Nature. Person. Culture. Collection of materials of the First International Scientific and Educational Forum (Kislovodsk, October 3–5, 2018)]. Kislovodsk, Khabarovsk, Moscow, Nauchnyi konsul'tant Publ., 2018, pp. 37–40.

9. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1899 god* [Overview of the Kazan province in 1899]. Kazan, 1900, 92 p.

10. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1900 god* [Overview of the Kazan province in 1900]. Kazan, 1901, 87 p.

11. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1901 god* [Overview of the Kazan province in 1901]. Kazan, 1902, 101 p.

12. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1902 god* [Overview of the Kazan province in 1902]. Kazan, 1903, 103 p.

13. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1903 god* [Overview of the Kazan province in 1903]. Kazan, 1904, 109 p.

14. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1904 god* [Overview of the Kazan province in 1904]. Kazan, 1905, 110 p.

15. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1906 god* [Overview of the Kazan province in 1906]. Kazan, 1907, 100 p.

16. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1908 god* [Overview of the Kazan province in 1908]. Kazan, 1910, 94 p.

17. *Obzor Kazanskoj gubernii za 1910 god* [Overview of the Kazan province in 1910]. Kazan, 1912, 98 p.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3 (1881–1913)* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3 (1881–1913)]. St. Petersburg, 1890, vol. 8(1888), 641 p.

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3 (1881–1913)* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3 (1881–1913)]. St. Petersburg, 1898, vol. 14(1894), 713 p.

20. Pol'skoi A.A. *Bor'ba «lesnoi» administratsii s narusheniyami «Polozheniya o sberezhonii lesov» v Kurskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [The struggle of the «forest» administration with violations of the «Regulations on forest conservation» in the Kursk province at the end of XIX – the beginning of the XX century]. In: Gorokhov A.A., ed. *Pokolenie budushchego: vzglyad molodykh uchenykh: sb. nauch. st. VIII Mezhdun. molodezhnoi nauch. konf.: v 6 t.* [Proc. of 8th Int. Youth Sci. Conf. «Generation of the future: the view of young scientists». 6 vols]. Kursk, 2019, vol. 2, pp. 129–132.

21. Pol'skoi A.A. *Samovol'naya porubka lesa kak prestuplenie protiv lesookhrannogo zakonodatel'stva kontsa XIX – nachala XX veka (na primere gubernii tsentra Rossii)* [Unauthorized logging as a crime against forest protection legislation at the end of XIX – the beginning of the XX century (on the example of the provinces of the center of Russia)]. In: Gorokhov A.A., ed. *Molodezh' i XXI vek: materialy X Mezhdunar. molodezhnoi nauch. konf.* [Proc. of 10 Int. Youth Sci. Conf. «Youth and the XXI Century»]. Kursk, 2020, pp. 102–105.

22. Puryaeva A.Yu. *Lesookhranitel'nyi komitet kak organ upravleniya zashchitnymi lesami v dorevoljutsionnom lesnom zakonodatel'stve Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Kazanskoj gubernii)* [Forest Protection Committee as a management body for protective forests in the pre-revolutionary forest legislation of Russia at the end of XIX – the beginning of the XX century (on the example of the Kazan province)]. *Pravo i politika*, 2011, no. 5, pp. 873–877.

23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 387. Opis' 24* [Russian State Historical Archive. Archive 387. Anagraph 24].

24. Rybalkin A.I. *Lesnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii kontsa XIX veka po sovershenstvovaniyu sistemy okhrany lesov i ego sotsial'naya znachimost'* [Forest legislation of the Russian Empire at the end of the XIX century to improve the system of forest protection and its social significance]. In: Bukhtoyarov N.I., Plaksin V.N., Makhina S.N., Kutsenko T.M. *Sotsial'naya znachimost' pravovykh znaniy v zhizni rossijskogo obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov, posvyashchennoi Dnyu yurista* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Social significance of legal knowledge in the life of Russian society»]. Voronezh, 2016, pp. 53–63.

25. *Stoletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta. 1798–1898* [The centenary of the establishment of the Forest Department. 1798–1898]. St. Petersburg, Tipo-litografiya Yu.Ya. Rimana, 1898, 251 p.

26. Тьяпкин М.О. *Gosudarstvennaya lesookhrannaya politika v Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [State forest protection policy in Western Siberia in the XVIII – early XX century]. Barnaul, 2019, 496 p.

27. Тьяпкин М.О., Тьяпкина О.А. *Razvitie zakonodatel'stva ob okhrane chastnykh lesov Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka* [Development of legislation on the protection of private forests of the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4(92), pp. 144–149.

28. Филонov А.А. *Ocherki po istorii lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraya vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [Sketches on history of forestry of the Mari region of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2014, 296 p.

29. Филонov А.А., Филонova А.В. *Sostoyanie i razvitie koz'modem'yanskikh gorodskikh lesnykh dach vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The state and development of Kozmodemyansk urban forest giving in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2019, no. 12-2(52), pp. 101–105.

ALEKSANDER A. FILONOV– Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (fil88meat@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>).

Формат цитирования: Филонov А.А. «Положение о сбережении лесов» и его реализация в Казанской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2023. – № 3. – С. 170–181. DOI: 10.47026/1810-1909-2023-3-170-181.